

ческого развития, а не критическая переоценка ошибок и противоречий в ее освещении; возникших в результате субъективных оценок или внешних воздействий. Историческая разработка развития Академии наук должна осуществляться с приоритетным использованием архивных материалов, а это потребует содействия в их рассекречивании. В этой связи следует отметить, что президент РФ В. В. Путин 4 декабря 2006 г. также подписал и федеральный закон «Об архивном деле в Российской Федерации». Эта связь представляет весьма важную для научной разработки истории Российской академии наук.

В заключение мы хотели бы вновь вернуться к трудам одного из самых выдающихся творцов науки минувшего столетия академика В. И. Вернадского, который в работе «Наука как планетное явление», написанной в 1937–1938 гг. и полностью опубликованной только в условиях перестройки и развития гласности, отмечал:

В результате долгих споров о существовании прогресса, непрерывно проявляющегося в истории человечества, можно сейчас утверждать, что *только в истории научного знания существование прогресса в ходе времени является доказанным*. Ни в каких других областях человеческого быта, ни в государственном и экономическом строе, ни в улучшении жизни человечества – улучшении элементарных условий существования всех людей, их счастья – длительного прогресса с остановками, но без возвращения вспять, мы не замечаем. Не замечаем мы его и в области морального философского и религиозного состояния человеческих обществ. Но в ходе научного знания (...) мы это ясно видим ⁹⁸.

Именно труды академика В. И. Вернадского могут стать источником и методологической основой научного подхода к написанию истории Российской академии наук.

⁹⁸ Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М., 1988. С. 49.

Г. И. СМАГИНА

ПЕТЕРБУРГСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК И ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ЛЮБИТЕЛИ НАУК В XVIII в.*

13 августа 1759 г. конференц-секретарь Академии наук академик Г. Ф. Миллер писал помещику Оренбургской губернии П. И. Рычкову:

Вы получите диплом на принятия вас в корреспонденты. Это служит доказательством, как умеет ценить Академия, с одной стороны, ваши заслуги и то, что уже сделано вами для споспешествования наукам, а с другой стороны, как желает она на будущее время пользоваться вашим усердием и ревностью. Вы еще первый в России достигаете такой чести и получаете звание это не искательствами, не происками своих друзей – лично вы не известны никому из Академии. Вас знают только по вашим сочинениям и усердию, выказываемому вами в споспешествовании наукам и общему благу, и, наконец, по вашей теперешней переписке со мною, в особенности полезной Академии. Эти обстоятельства придают диплому истинную его цену. Ныне от вас зависит, чтобы надежда, возлагаемая на вас Академиею, возросла еще более. Если же она чем-либо другим в состоянии оказать вам угодное, то как его сиятельство г. президент (граф К. Г. Разумовский), так и все наше общество, равно как и каждый член его в отдельности, исполнят это с удовольствием ¹.

Петр Иванович Рычков (1712–1777) географ, натуралист, историк и экономист был автором многих печатных трудов, выходивших отдельными изданиями и публиковавшихся в научных журналах того времени. Больше 40 лет он провел в пустынном тогда Оренбургском крае, где вместе с видными государственными деятелями петровской эпохи И. К. Кириловым и В. Н. Татищевым стал первопроходцем этого края и исследователем его природных богатств ². Рычков прошел долгий и сложный путь государственного служащего: от скромного бухгалтера до правителя Илецкого соляного промысла и екатеринбургских казенных заводов. Интерес к познанию, любовь к науке подтолкнули его к самостоятельным научным занятиям. Выполняя служебные обязанности, он находил время для изучения природы Оренбургского края, описывал месторождения полезных ископаемых, условия земледелия и местные народные промыслы. Первая печатная работа Рычкова вышла в свет в феврале 1755 г. в академическом журнале «Ежемесячные сочинения». Это было начало его статьи о коммерции ³. В редакционном послесловии из-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 05-03-03017а.

¹ Пекарский П. П. Сношения П. И. Рычкова с Академиею наук в XVIII столетии // Торжественное собрание Академии наук 29 декабря 1865 г. СПб., 1866. С. 75.

² Матвиевский П. Е., Ефремов А. В. Петр Иванович Рычков. М., 1991.

³ Рычков П. И. Переписка между двумя приятелями о коммерции. Письмо 1-ое // Ежемесячные сочинения. 1755. Февраль. С. 105–122.

датель журнала академик Г. Ф. Миллер поддержал любительские занятия автора и выразил надежду, что Рычков «не оставит свои рассуждения, которые ожидать мы будем» ⁴. Вскоре работы оренбургского любителя наук стали все чаще появляться в журналах, издаваемых Академией наук. Кроме капитального труда «Топография Оренбургская» (СПб., 1762) Рычков в 1755 г. представил в Академию наук еще три статьи о коммерции, в 1757 г. — «Письмо о упражнении в деревенском житии», в 1758 г. — «Письмо о земледелии в Казанской и Оренбургской губерниях», в 1759 г. в двенадцати номерах журнала «Ежемесячные сочинения» печаталась большая историко-краеведческая работа «История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии».

В середине 50-х гг. началась переписка Рыčkова и Миллера, которая продолжалась в течение двадцати лет. Она наполнена множеством конкретных экономических и естественно-исторических описаний и географических сведений об Оренбургской губернии. М. В. Ломоносову он присылал образцы руд и минералов ⁵. Ободренный вниманием Миллера к себе и своим работам, Рычков выразил желание быть избранным в почетные члены Академии. Миллер с готовностью откликнулся на просьбу и принялся хлопотать об избрании. 30 марта 1758 г. Миллер представил донесение в академическую Канцелярию, где поставил вопрос о принятии Рыčkова в почетные члены Академии ⁶.

Здесь необходимо сделать небольшое отступление о практике избрания почетных членов в Петербургской академии наук. В петровском «Проекте положения об учреждении Академии наук и художеств» 1724 г. ничего не говорилось о почетных членах. В тексте Регламента Академии наук, который был разработан в сентябре 1725 г., но так и не был утвержден, в § 13 было записано, что в каждый класс Академии необходимо принимать «по два человека корреспондентов» и каждому из них давать «титул и честь члена Академии...» ⁷. Многое в этом пункте было не ясно, имелись ли в виду иностранные почетные члены или действительно корреспонденты из числа российских ученых-любителей. Но, несмотря на неясности, первые иностранные почетные члены появились уже в ранние годы деятельности Академии наук в Петербурге.

Впервые имена иностранных почетных членов были опубликованы в предисловии к первому тому академического ежегодника «Commentarii», вышедшего в 1728 г. Здесь названы имена четырех ученых: Христиан Вольф из Марбурга, Иоганн Бернулли из Базеля, маркиз Джованни де Полени из Падуи и врач Пьетро Антонио Микелотти из Венеции. Крупнейший знаток ранней истории Академии наук Ю. Х. Копелевич считает, что эти четыре имени были выбраны в момент написания предисловия из числа тех ученых, с которыми в тот момент велась переписка ⁸.

До 1747 г., т. е. до введения нового Регламента Академии наук, известны имена 36 почетных членов ⁹. 14 ученых получили звание иностранных почет-

⁴ Там же. С. 122.

⁵ Пекарский П. П. Жизнь и литературная переписка П. И. Рыčkова. СПб., 1867. С. 31–40.

⁶ Матвиевский, Ефремов. Петр Иванович Рычков... С. 128.

⁷ Материалы для истории Имп. Академии наук. СПб., 1885. Т. 1. С. 307.

⁸ Копелевич Ю. Х. Основание Петербургской Академии наук. Л., 1977. С. 184.

⁹ Российская Академия наук. Персональный состав. Кн. 1. 1724–1917. М., 1999. С. 210–211, 294–307.

ных членов после завершения своей службы в Петербургской академии наук и возвращении к себе на родину, среди них Г. Б. Бюльфингер, Я. Герман, Д. Бернулли, Л. Эйлер, Г. В. Крафт, Ж. Н. Делиль и др. Остальные были как бы «избраны», хотя определенной процедуры не существовало. Видимо, вопрос об избрании считался решенным, если на заседании академической Конференции кто-то из академиков, но чаще всего президент, вносил предложение, и присутствующие его одобряли. В эти годы иностранными почетными членами были избраны 8 ученых из Франции, среди них писатель и философ Вольтер, 7 ученых из Германии, 4 – из Италии, по одному – из Англии, Нидерландов и Швейцарии. Таким образом, формируя институт иностранных почетных членов, Петербургская академия наук уже в начальный период своей деятельности стремилась к широким международным контактам.

Особо следует сказать еще о двух почетных членах, они отличались от выше названных. Они были тоже иностранцами, но находились на русской службе: военный врач И. Ф. Шрейбер и определенный в Коллегию иностранных дел после 17 лет работы в Академии – математик Х. Гольдбах. Практика избрания почетных членов (иностранцев и российских) была закреплена в «Регламенте Академии наук и художеств», утвержденном Елизаветой Петровной 24 июля 1747 г. В § 7 Регламента записано:

Почетным членам быть при Академии и исправлять должность также академиков, а именно: посылать к ним трудные академические изобретения для освидетельствования и от них требовать их собственных изобретений в науках, а обязывать их к тому небольшим жалованьем, то есть не свыше двух сот рублей, и иметь их не больше десяти человек. Чего ради и нынешних оставших государствах по одному было, дабы Академия из всех мест Европы иметь могла корреспонденцию. Сверх означенных десяти почетных членов, которым определены пенсии, позволяется президенту в почетные же члены Академии принимать без пенсии всяких наук ученых и славных людей, также и знатных персон как Российского, так и чужестранных государств¹⁰.

После официального признания института почетных членов Петербургская Академия наук стала активно использовать эту форму деятельности и

П. И. Рычков – первый корреспондент Академии наук. Гравюра А. Осипова. Конец XVIII – начало XIX вв.

¹⁰ Уставы Академии наук СССР. М., 1974. С. 42–43.

прежде всего для расширения международных контактов. За 1747–1759 гг. иностранными почетными членами были избраны 29 ученых, среди них неперемный секретарь Берлинской академии наук философ Г. С. Формей и шведский естествоиспытатель и ботаник К. Линней. К 1759 г. звание почетных членов Академии имели семеро медиков, находившихся на русской службе, все они были иностранцами. К этому времени среди почетных членов Петербургской академии наук не было ни одного россиянина.

Но вернемся к Миллеру и Рычкову. 20 ноября 1758 г. Миллер повторил свое представление об избрании Рычкова в почетные члены. Президент Академии граф К. Г. Разумовский сначала обещал утвердить Рычкова почетным членом, но, когда стали говорить, что «примера еще такого нет», чтобы в почетные члены Академии избирались русские, и что «надлежит прежде почтить сим званием некоторых господ здешних», утверждение Рычкова задержалось¹¹.

Выход из создавшегося положения нашел М. В. Ломоносов, предложив учредить в Академии новый класс членов – класс корреспондентов. 21 января 1759 г. академическая Канцелярия передала на утверждение президента представление, подписанное тремя советниками Академии – М. В. Ломоносовым, И. И. Таубертом и Я. Я. Штелиным. В нем высоко были оценены научные труды Рычкова, но, по мнению авторов документа, следовало более высоко ценить звание члена Академии наук и более строго подходить к выбору кандидатур. Они полагали, что в почетные члены не стоило бы принимать тех, «кои общего в ученом свете латинского языка основательно не знают и главных ученому человеку необходимых словесных наук, также математики, по последней мере элементарной, и философии не разумеют»¹². Поэтому предлагалось для таких не профессиональных ученых, а любителей наук учредить новый класс – класс академических корреспондентов. По их мнению, корреспондентом мог стать российский ученый-любитель, который поддерживал научные контакты с Академией наук и приобрел известность своими научными трудами. При этом авторы предложения ссылались на опыт Парижской академии наук.

Миллер неодобрительно встретил инициативу академических советников. В его документах (в знаменитых «портфелях»), хранящихся в РГАДА, имеется записка под названием «Возражения по поводу ранга корреспондентов»¹³. Документ не датирован, но исходя из его содержания можно предположить, что он написан в январе 1759 г., вскоре после доклада Ломоносова, Тауберта и Штелина. Документ составлен на немецком языке и содержит 9 пунктов, но, к сожалению, два последних пункта не удалось расшифровать и прочесть.

В своей записке Миллер обращает внимание на то, что в Регламенте Академии наук 1747 г. нет такого академического звания, как «корреспондент», и считает, что члены Канцелярии были не правомочны делать президенту Академии такое важное предложение без предварительного обсуждения его на общем собрании академиков. К тому же многие академики, с которыми Миллер беседовал по этому поводу, полагают не разумным учреждение ново-

¹¹ Пекарский. Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова... С. 42.

¹² Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 10. М.; Л., 1957. С. 76–77.

¹³ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 199. Оп. 2. № 412. Ч. 1. Д. 18. Л. 1.

го звания. Далее Миллер отмечает, что Парижская академия наук хотя и имеет институт корреспондентов, но «инога манера». Геттингенская академия наук хотела подражать Парижской и ввести звание корреспондента, но это не встретило одобрения. В других европейских академиях и научных обществах подобных учреждений нет. И главное, писал Миллер: «Для ученого и способного человека это будет насмешкой, так как ему тем самым дают понять, что он не достоин быть членом Академии» ¹⁴.

Здесь следует сказать о практике выбора корреспондентов в Парижскую и Геттингенскую академии наук. Академия наук в Париже возникла в 1666 г. В июне 1717 г. ее посетил Петр I. 22 декабря того же года он был избран иностранным членом Академии. При разработке положения о создании Петербургской академии наук был использован опыт многих европейских академий и научных обществ, в том числе и Парижской. По Уставу Академии, утвержденному Людовиком XIV в 1699 г., Академия должна была поддерживать контакты с иностранными и французскими учеными, жившими в различных провинциях королевства, но не ближе 10–12 лье (1 лье – 4,5 км) от Парижа. Тогда корреспонденты выбирались для ведения научной переписки, прикреплялись к действительному члену Парижской академии, который их представлял, и только с ним, а не с самой Академией, могли поддерживать контакты. Например, академик А. Н. Гришов был выбран корреспондентом члена Парижской академии ла Кондамина, академик Миллер – корреспондентом А. Л. Дюамеля де Монсо, академик А. И. Лексель – корреспондентом Ж. Ж. Лаланда ¹⁵.

В марте 1753 г. принимается специальное положение о корреспондентах и определяется порядок их отбора ¹⁶. В корреспонденты зачислялись поддерживающие связь с Академией ученые, иностранцы и французы, также живущие не ближе 10–12 лье от Парижа. Кандидатуры до баллотировки рассматривались комиссией из трех академиков соответствующего класса. Если корреспондент без серьезной причины прерывал связь с Академией более чем на три года, его исключали из списков, в случае его смерти заменяли другим.

Первые корреспонденты в Геттингенской академии наук появились в 1752 г., через год после учреждения Академии. Ими становились иностранные и немецкие ученые, которые проживали вне Геттингена, и поэтому не могли принимать участие в академических заседаниях. Но им предоставлялось право печатать свои труды в научном издании Академии ¹⁷. К 1760 г. Академия имела 20 корреспондентов.

Таким образом, то, что предлагал Ломоносов, по сути незначительно отличалось от принятого порядка в Париже и Геттингене. Президент Академии граф К. Г. Разумовский утвердил инициативу академических советников, и 25 января 1759 г. Ломоносов доложил об этом на заседании академической Конференции ¹⁸. 28 января был подписан указ Канцелярии об учреждении класса академических корреспондентов: «начать сие учреждение принятием в такие

¹⁴ Там же.

¹⁵ Русско-французские научные связи. Л., 1968. С. 22–23.

¹⁶ Копелевич Ю. Х., Ожигова Е. П. Научные академии стран Западной Европы и Северной Америки. Л., 1989. С. 275.

¹⁷ Die Mitglieder der Akademie der Wissenschaften zu Göttingen 1751–2001. Göttingen, 2001. S. 9.

¹⁸ Летопись РАН. 1724–1802. Т. 1. СПб., 2000. С. 466.

корреспонденты с данием дипломы господина коллежского советника Петра Рычкова»¹⁹. Диплом Рычкову на звание академического корреспондента на латинском языке за подписями Разумовского и Миллера был отправлен 18 августа 1759 г.²⁰ вместе с письмом Миллера, с которого мы начали этот сюжет.

Ломоносов придавал большое значение появлению людей, которые, не будучи «учеными по обязанности», тяготели к наукам и являлись горячими сторонниками просвещения и распространения знаний. Составляя проекты нового устава Академии и рекомендации по улучшению ее деятельности, Ломоносов никогда в них не забывал о новом классе членов Академии. В проекте Регламента Академии (над ним он работал в период с сентября 1764 г. по март 1765 г.) в § 40 записано:

Корреспонденты избраны быть могут не токмо ученые люди, но и любители наук, у которых известна охота и любопытство к изысканию надлежащих до наук известий, хотя в них основательного учения и не положили. Таковые люди полезны вне и внутрь государства, и для того не токмо в отдаленных чужих землях иметь их должно, но и по всем российским губерниям нарочно приискывать надежных, разумных и любопытных людей (курсив мой. – Г. С.), кои бы в Академию пересылали свои наблюдения в натуре и в истории, на что им давать с дипломами инструкции от Академии и способы к их изысканиям, кои ни Академии, ни тамошнему жителю не тягостны²¹.

Ломоносов считал, что не следует ограничивать число корреспондентов, а при избрании «следует считаться лишь с полезностью научных отношений с ними и с собственным их рвением». Он предлагал освободить корреспондентов от почтовых расходов, «каковые должны покрываться из академической казны»²².

Избрание в число корреспондентов проходило неравномерно. После учреждения этого звания и избрания первым корреспондентом П. И. Рычкова, вторым и третьим по времени избрания стали естествоиспытатель и ботаник, основатель лесных училищ в России К. И. Габлиц (1752–1821)²³ и естествоиспытатель и путешественник, инспектор императорских садов в Астрахани А. Соколов (?–1785)²⁴. Оба – участники академических экспедиций²⁵. Их избрание произошло в 1776 г. через 17 лет после первого.

12 октября 1779 г. академическими корреспондентами стали четверо исследователей: химик и натуралист, преподаватель химического класса Горного училища, в момент избрания – директор Ассигнационного банка в Иркутске А. М. Карамышев (1744–1791)²⁶, специалист по горному делу, один из создателей и преподаватель маркшейдерского класса Горного училища И. М. Ре-

¹⁹ Матвиевский, Ефремов. Петр Иванович Рычков... С. 131.

²⁰ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПФА РАН). Ф. 141. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

²¹ Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений... Т. 10. С. 151.

²² Там же. С. 122.

²³ Габлиц Карл Иванович. Русский биографический словарь. Гааг-Гербель. М., 1914. С. 10–14. Материалы, присланные им в Академию наук, см.: СПФА РАН. Р. 1. Оп. 103. Д. 1, 9; Оп. 115. Д. 3, 78–81.

²⁴ Описания путешествий, присланные в Академию наук А. Соколовым, см.: СПФА РАН. Р. 1. Оп. 102. Д. 3–8.

²⁵ Материалы экспедиций К. И. Габлица и А. Соколова см.: СПФА РАН. Ф. 3. Оп. 34. Д. 11а.

²⁶ Раскин Н. М., Шафрановский И. И. А. М. Карамышев. Л., 1975.

нованц (1744–1798) ²⁷, писатель, переводчик и издатель, автор проекта об устройстве филиала Академии наук в Глухове Ф. В. Туманский (1746–1810) ²⁸ и врач-хирург из Москвы И. Г. Г. Энгель (?–1785), проводивший в 1779–1784 гг. метеорологические наблюдения ²⁹.

Контакты с провинциальными любителями наук наиболее продуманно и активно поддерживались во время директорства княгини Е. Р. Дашковой (1783–1796). В этот период была избрана почти половина всех корреспондентов, удостоенных этого звания в XVIII в. На этом периоде мы и остановимся подробнее.

Первым, кого Екатерина Романовна предложила в корреспонденты Академии, был поэт, драматург, переводчик, один из известных деятелей Московского университета Михаил Иванович Веревкин (1732–1795). Предложение Дашковой, высказанное 17 марта 1783 г. на заседании Конференции, было единодушно одобрено. Внимание княгини на Веревкина обратил Г. Р. Державин, знавший его еще со времен учебы в Казанской гимназии, где Веревкин в то время директорствовал. Дашкова привлекла Веревкина к написанию биографии Ломоносова для готовившегося по ее инициативе академического издания Полного собрания сочинений ученого, но в срок биография от Веревкина не поступила. Познакомившись с биографией, написанной академиком Я. Я. Штелиным, Дашкова распорядилась поместить в первом томе Полного собрания сочинений М. В. Ломоносова именно ее. Правда, материалы, собранные Веревкиным, содержали много ценных сведений, особенно о юношеских годах Ломоносова, и существенно дополняли штелинскую биографию, поэтому было решено опубликовать их в виде примечаний ³⁰. Веревкин был также членом Российской Академии и принимал деятельное участие в подготовительных работах по созданию словаря русского языка ³¹.

2 октября 1786 г. по представлению Дашковой корреспондентом Академии был избран архангельский купец Василий Васильевич Крестинин (1729 или 1730–1795) ³². Сочинения Крестинина хорошо знали в Академии, поэтому его избрали единогласно. В письме от 30 октября 1786 г. конференц-секретарю И. А. Эйлеру он поблагодарил Академию за высокую оценку своих трудов:

Признаюсь искренне, что слабосильные мои дарования и... в распространении человеческого познания заслуги, никогда не попускали воображать себе толикую честь. Я тем более обязан принять сие звание с вящею благодарностью по крайнему моему разумению сил и возможности умножить соответствующие званию труды служителя Академии ³³.

²⁷ Радкевич Е. А., Шафрановский И. И. И. М. Ренованц // Геологи Ленинградского горного института. М., 1974. С. 34–50.

²⁸ Любименко И. И. Проект 1779 г. об устройстве филиала Академии наук в Глухове и о написании истории Украины // Вестник АН СССР. 1935. № 5. С. 47–54.

²⁹ Сводки метеорологических наблюдений И. Г. Г. Энгеля см.: СПФА РАН. Р. 1. Оп. 116. Д. 17.

³⁰ Подробнее об этом см.: Майстров Л. Е. Академическая биография М. В. Ломоносова // Историко-астрономические исследования. 1977. Вып. 13. С. 167–180.

³¹ Стенник Ю. В. Веревкин // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. Л., 1988. С. 148–150.

³² Черняховский Ф. И. В. В. Крестинин. Архангельск, 1955; Цветкова Л. И., Овсянников О. В. В. В. Крестинин. Страницы жизни // Патриот Севера. Ист.-краев. сб. Архангельск, 1985. С. 59–76.

³³ СПФА РАН. Ф. 1. Оп. 2–1786. Д. 10. Л. 3–3 об.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ
О
ГОРОДѢ АРХАНГЕЛЬСКОМЪ,

сочинена
Архангелогородскимъ гражданиномъ
Васильемъ Крестининымъ.

ВЪ САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГѢ.
при Императорской Академіи Наукъ
1792 года

В. Крестинин. Краткая история о городе
Архангельском. СПб., 1792.
Титульный лист

лал в Академию обнаруженные им исторические документы и собственные статьи, а также семена и засушенные растения, произраставшие в северных областях России.

Академик Н. Я. Озерецковский, представляя 20 августа 1787 г. сочинение Крестинина «Историческое известие о нравственном воспитании детей у двинских жителей», присланное для публикации в «Новых ежемесячных сочинениях», заметил, что Крестинин – один из самых прилежных и самых энергичных сотрудников этого журнала, но ему приходится тратить деньги на копирование документов, на переписку своих статей, так как слабость зрения не позволяет ему это делать самому. Поэтому Академии следовало бы назначить ему какое-нибудь вознаграждение³⁴. Княгиня Дашкова с пониманием отнеслась к словам Озерецковского и пообещала дать Крестинину вознаграждение, когда появится вакансия академического пенсионера. Но Озерецковский заметил, что Крестинин будет признателен за эту надежду, но ему нужно хоть небольшое пособие сейчас, так как его преклонный возраст может не дать ему возможности дожидаться обещанного³⁵. 12 ноября того же года, когда Крестинин прислал новую рукопись «Географические известия о Новой Зем-

В. Крестинин – это разносторонний ученый-любитель: историк и географ, педагог и этнограф, занимался экономическими проблемами и организацией народного образования, но прежде всего он – историк Северного края и России, первый историограф города Архангельска. В 1759 г. он основал в Архангельске вместе с А. И. Фоминым первое в России научное общество – «Общество для исторических исследований», которому удалось собрать много исторических документов. Перу Крестинина принадлежат четыре книги, изданные в Петербурге Академией наук: «Исторические начатки о двинском народе древних, средних, новых и новейших времен» (Ч. 1, СПб., 1784); «Исторический опыт о сельском старинном домостроительстве двинского народа на Севере» (СПб., 1785); «Начертание истории города Холмогор» (СПб., 1790); «Краткая история о городе Архангельском» (СПб., 1792). И после избрания академическим корреспондентом Крестинин регулярно присы-

³⁴ Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук. Т. 4. СПб., 1911. С. 91.

³⁵ Там же. С. 94.

ле», которая, как и предыдущие, была напечатана в «Новых ежемесячных сочинениях», Озерецковский, покровительствовавший Крестинину, вновь обратился к Дашковой с просьбой о вознаграждении для архангелогородского корреспондента. Княгиня разрешила послать ему 100 руб.³⁶

В начале 1790 г. вышла из печати книга Крестинина «Начертание истории города Холмогор», и 27 февраля Екатерина Романовна посылает ему любезное письмо: «...ваши труды столь мне приятны, что я их сама всегда в виду имею», и сообщает о назначении «в награждение» автору 100 руб., обещая, когда появится вакансия, назначить ему академическую пенсию³⁷. В архивных делах сохранилось ответное благодарственное письмо Крестинина к княгине. 22 марта он пишет из Архангельска:

Оказуемое сими милостивыми знаками благоволение вашего сиятельства к служению моему управляемой вами Академией почитаю я за отличное в моей жизни преимущество, благодарю Провидение, даровавшее мне в особе вашей великого благодетеля. Я буду и обязан не упускать ни единого случая к доказательству моей благодарности и ревности в служении моем императорской Академии наук³⁸.

В октябре 1790 г. вакансия появилась, благодаря назначению Т. Е. Ловица адъюнктом, и Дашкова спешит сообщить Крестинину о назначении ему с 1 января 1791 г. академической пенсии в 200 руб.³⁹. Академическое пособие Крестинин получал недолго, 5 мая 1795 г. он скончался. 25 мая Озерецковский известил об этом Конференцию и попросил директора Академии (в то время Дашкову замещал П. Н. Бакунин) послать вдове Крестинина причитающееся жалование, не дожидаясь 1 июля – срока официальной выплаты⁴⁰.

В свое время Крестинин, приступив к собиранию и изучению документов по истории Севера, привлек к этому большому и важному делу известных в Архангельске просвещенных сограждан. Среди них был и купец, инспектор народных училищ Архангельска, большой любитель и собиратель древних актов и рукописей, исследователь Белого моря и промыслов в крае, член Вольного экономического общества, неоднократно присылавший результаты своих исследований в журнал «Новые ежемесячные сочинения» Александр Иванович Фомин (1733–1804). Е. Р. Дашкова весьма похвально отзывалась о трудах Фомина, которые заслуживают как внимания публики, «так и всей Академии уважение». 13 июня 1788 г. Е. Р. Дашкова сообщает ему в письме, что распорядилась доставить в Архангельск все номера «Новых ежемесячных сочинений», вышедших к этому времени, и впредь посылать журнал ежемесячно.

Государь мой Александр Иванович, соучастие, которое принимает вы в издаваемых при Академии наук «Ежемесячных сочинениях», сообщая в оные достойные трудов ваших произведения, сколько вам делает чести в публике, столько заслуживает как мое особенно, так и всей Академии уважение. В доказательство чего определила я послать вам все вышедшие за два года

³⁶ Там же. С. 106.

³⁷ СПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 376. Л. 183.

³⁸ СПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 376. Л. 184–185.

³⁹ Протоколы заседаний Конференции... Т. 4. С. 240.

⁴⁰ Там же. С. 431.

«Ежемесячные сочинения» и приказала посылать вам оные помесечно. Справедливость требует, чтобы вы сим изданием пользовались, поелику труды ваши как в начинании, так и в продолжении оного немалым были вспоможением, и я, уверена будучи о вашем трудолюбии, ласкаю себя надеждою, что и впредь в начатом издании спомоществовать не перестанете ⁴¹.

11 июня 1795 г. Фомин был избран корреспондентом Академии наук. Он поспешил поблагодарить за честь, оказанную ему, и послал для рассмотрения и публикации свой труд о Белом море ⁴². Книга напечатана в Академии наук в 1797 г. под названием «Описание Белого моря с его берегами и островами» и содержала подробные сведения о природе края.

Понимая большое значение метеорологических наблюдений и прогнозов погоды для народного хозяйства, в Академии наук приветствовали и поддерживали провинциальных любителей наук, занимавшихся этими наблюдениями. Метеорологические сводки, которые они составляли с большой тщательностью, посвящая наблюдениям все свободное от исполнения служебных обязанностей время, присылали в Академию. Некоторые из них сохранились в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, другие даже были напечатаны в академических журналах. Эти сводки для изучения климата России того периода – ценнейшие и почти единственные источники. Из Перми помощник генерал-губернатора Тобольского и Пермского наместничеств Вильгельм Лагус (?–1785) присылал метеорологические таблицы, сообщал о необычайно высоком подъеме воды в Иртыше в 1784 г., о грозовых явлениях и выпадении необычайно крупного града, повлекшего за собой ряд смертельных случаев. По предложению академика П. С. Палласа и с согласия Е. Р. Дашковой 20 ноября 1783 г. Лагус избран (голосовали: за – 10, против – 5) корреспондентом Академии ⁴³.

Более 15 лет врач-хирург из Великого Устюга Яков (Якоб) Яковлевич Фриз (?–1801) представлял разные интересные наблюдения за состоянием и изменением атмосферы в Ярославской и Вологодской губерниях ⁴⁴. И когда испортился его термометр, по указанию Дашковой ему отправили два новых термометра (ртутный и спиртовой), изготовленных в академических мастерских. Фриз прислал каталог 19 городов Вологодской губернии с указанием их расстояния от Петербурга, Москвы, Вологды и каталог 14 городов, расположенных на большой дороге от Москвы до Архангельска. Эти сведения были очень полезны для составления географических карт. 16 октября 1788 г. академики с воодушевлением приняли Я. Я. Фриза в число академических корреспондентов ⁴⁵. В мае 1792 г. Фриз прислал в Академию и Вольное экономическое общество трактат, в котором были описаны историко-природные, экономические и статистические особенности района Великого Устюга. Конференция рекомендовала подготовить трактат к печати в главном научном журнале Академии «Nova Acta» ⁴⁶.

По рекомендации Е. Р. Дашковой 4 ноября 1793 г. корреспондентом Академии стал врач из Саратова Фридрих Август Мейер (?–1805). Точность его

⁴¹ СПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 367. Л. 303.

⁴² СПФА РАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 72. Л. 35–36 об.

⁴³ Протоколы заседаний Конференции... Т. 3. С. 713.

⁴⁴ Метеорологические сводки Я. Я. Фриза см.: СПФА РАН. Р. 1. Оп. 115. Д. 7, 30, 33.

⁴⁵ Протоколы заседаний Конференции... Т. 4. С. 153.

⁴⁶ Там же. С. 300.

метеорологических наблюдений была отмечена особо, и было решено просить его продолжить наблюдения ⁴⁷. Как врач Мейер был обеспокоен плачевным состоянием медицинского обслуживания местного населения и считал очень полезным распространение элементарных медицинских и ветеринарных знаний через посредство календарей, или месяцесловов (исторического, дорожного, экономического и др.), они составлялись и печатались в Академии практически с момента ее основания. В апреле 1794 г. Мейер сообщает свои соображения об их издании и продаже, а также о важности печатания в календарях инструкций для метеорологических наблюдений ⁴⁸.

Некоторое время наблюдениями за погодой и ботаническими исследованиями занимался аптекарь из Иркутска, участник экспедиций по Западной и Северной Сибири и на Тибет Иоганн Сиверс. Он был избран корреспондентом 5 марта 1795 г., но 23 марта покончил с собой ⁴⁹. Его научные материалы, прежде всего по ботанике, обработал и опубликовал Паллас ⁵⁰.

В числе академических корреспондентов были ученые-любители в области горных наук, минералогии и химии. 7 июля 1794 г. Дашкова предложила принять в корреспонденты чиновника Коллегии иностранных дел, сына покойного академика-химика И. Г. Лемана – Иоганна Христиана (Ивана Ивановича) Лемана (1760–1804). Его знали как автора трактата о желтом янтаре, представленного в Академию и получившего похвальный отзыв академика В. М. Севергина. При голосовании голоса «за» и «против» разделились поровну, право окончательного решения было предоставлено Екатерине Романовне, и на следующем заседании (10 июля) – она назвала Лемана корреспондентом Академии ⁵¹. Отдавая все свое свободное время любимой им минералогии, в марте 1797 г. Леман представил для публикации труд «Руководство по философии минералогии».

Чиновник Горного управления в Екатеринбурге, специалист по горному делу Александр Васильевич Раздеришин (1746–1812) прислал для Минц-кабинета Академии наук коллекцию минералов, собранных в Нерчинске и состоящую из 90 образцов. В журнале Канцелярии Академии от 7 января 1788 г. сохранилась об этом запись:

Нерчинского стага господин бергмейстер Александр Раздеришин, усердствуя Академии наук, поднес при письме ее сиятельству, господину директору и кавалеру, трудов своих собрание минералов, об девяноста кусков состоящее ископаемой системы, которые с описанием оных, також и со списками о полезных делах до ныне им, г-ом Раздеришиным, Отечеству доказанных, препроводить в конференцию и из оной помянутные штуфы отдать в Академической Минералогической кабинет для хранения и записки по оному в приход; за усердие же г-на бергмейстера Раздеришина отписать к нему должную благодарность; естли же он возвратно в Сибирь поедет и будет продолжать стараться умножать своими присылками академический кабинет, тогда принять его в корреспонденты оной ⁵².

⁴⁷ Там же. С. 356. Метеорологические наблюдения Ф. А. Мейера см.: СПФА РАН. Р. 1. Оп. 113. Д. 6; Оп. 115. Д. 31.

⁴⁸ СПФА РАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 71. Л. 317–319.

⁴⁹ Протоколы заседаний Конференции... Т. 4. С. 416.

⁵⁰ Там же. С. 427, 429, 438.

⁵¹ Там же. С. 336, 338.

⁵² СПФА РАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 72. Л. 67.

Копия этого документа была приложена к письму директора Академии наук от 9 января 1788 г., в котором Е. Р. Дашкова благодарит Раздеришина за собранную коллекцию и просит продолжить поиски минералов в Сибири:

Государь мой, минеральное собрание трудов ваших ископаемой системы и списки, доказывающие к Отечеству ваши услуги, я, с немалым удовольствием получа, препроводила Академии наук в Минц-кабинет; а с журнала к сведению вашему прилагаю при сем копию, содержание которого подобно и в протоколах конференции записано. За усердное же ваше расположение свидетельствуя вам мою благодарность, прошу продолжить ваше похвальное старание, которое без достоодолжного уважения оставлено не будет ⁵³.

Воодушевленный таким вниманием, Раздеришин в октябре 1795 г. прислал новую коллекцию минералов, на этот раз из 164 образцов. В обращении в Академию, которое он назвал «Усердное приношение», автор напомнил об обещании Е. Р. Дашковой принять его в корреспонденты Петербургской академии:

Славящаяся Российская Академия наук древностями и редкими произведениями природы, достигает совершенства во всех частях. Великая Екатерина, пекущаяся всевозможно о благе своих подданных, от всех концов земли соединяет воедино все то, что служит к просвещению и к удивлению человечества: от сего источника открылось множество искусных мужей, чтущих Академию и в доказательство любви и ревности к Отечеству неусыпно трудящихся и чрез то заслуживающих внимание в ученом свете.

Путь же к оказательству услуг Академии есть всем отверст. Опыт таковой уже имел я счастье, препроводив Минеральное собрание в девяносто кусках состоящее со списками услуг моих, оказанных по 1788 год Отечеству, сему знаменитому к ученойшему месту чрез директора и кавалера княгиню Екатерину Романовну Дашкову.

Ободрен будучи благоволением Академии, твердо уповаю, что приложенное у сего собрание, в 169 кусках состоящее, которое большею частию мною вновь открыто и приобретено, принято будет с таковым же милостивым вниманием и удовольствием. Ежели при том и удостоен буду принятием в корреспонденты помянутой Академии, то все силы и способы употреблю в доказательство моих услуг оной, тем более, что сия доверенность от Академического высокопочтеннейшего и ученойшего собрания придаст мне вящие силы и ободрение, преодолевая все препятствия служить ей со всем усердием и той приверженностию, с которой себя навсегда препоручаю ⁵⁴.

2 ноября 1795 г. Раздеришин был принят шестью голосами против одного ⁵⁵. И после почетного избрания он присылал в Академию минералы, окаменелости и диковинки, найденные им в Сибири, например, головы буйвола и носорога, кости мамонта и др.

Одним из наиболее ярких корреспондентов Академии в 80–90-е гг. XVIII в. был Петр Иванович Шангин (1745/1748–1816) ⁵⁶. Он является представителем

⁵³ Там же. Л. 69.

⁵⁴ СПФА РАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 72. Л. 68–68 об.

⁵⁵ Протокол заседаний Конференции... Т. 4. С. 458.

⁵⁶ *Бурштейн Е. Ф.* Шангины – исследователи Южной Сибири и Казахских степей. М., 2003. С. 38–89.

семейства Шангиных, которые оставили заметный след в истории медицины и горного дела Алтая. Год и место рождения П. И. Шангина доподлинно неизвестны. Одни авторы полагают, что он родился в 1745 г. на Урале, другие — в 1748 г. в Белогорской крепости на Алтае. Так или иначе, но в 1758 г. он был определен учеником лекаря в Барнаульский госпиталь. Страстное желание учиться привело его в 1766 г. в Москву, где он, как записано в формулярном списке, «обучался сначала в семинарии латинскому языку, потом в Императорском Московском университете латинскому, немецкому языкам, химии, физике, математике, натуральной истории, как-то минералогии, ботанике и зоологии, равномерно ж и медицине по всем частям» ⁵⁷. В 1770 г. Шангин возвращается в Барнаул, и до конца 1785 г. его служба связана с медициной: он был лекарем, аптекарем и несколько лет возглавлял крупнейший госпиталь на Змеиногорском руднике. В январе 1786 г. Шангин (к этому времени он уже тяготился своей медицинской службой) переходит в Горное ведомство и вплоть до своей смерти в 1816 г. служит горнозаводскому делу и минералогии: он совершает экспедиции по Горному Алтаю, открывает новые месторождения поделочных камней, собирает богатейшую коллекцию минералов, часть которой даже была представлена Екатерине II.

Но чем бы ни занимался Шангин, он всегда оставался любителем ботаники. Во время своих экспедиций он собирает богатейшие ботанические, зоологические и минералогические коллекции, подбирает растения для Барнаульского ботанического сада, где выращивали дикорастущие виды Сибири и редкие экзоты. Около 40 лет его связывают научные контакты с академиком П. С. Палласом. Это знакомство лишь укрепляло его увлечение ботаникой. Шангин присылает в Академию наук и Палласу свои наблюдения за растительным и животным миром Алтая, семена и живые растения, уточняет те или иные особенности их роста и т. д. Паллас высоко ценил ботанические находки Шангина и в честь его назвал несколько видов растений. Именем Шангина называли растения и другие ботаники ⁵⁸. Таким образом, Шангин был первым натуралистом, изучавшим географию, растительный и животный мир, минералы, горные породы и полезные ископаемые Горного Алтая.

В 1793 г. Паллас в своем альманахе «*Neue Nordische Beyträge*», издаваемом в Петербурге и Лейпциге, опубликовал на немецком языке «Дневные записки» Шангина ⁵⁹. В 1796 г. в обратном переводе на русский язык, выполненном А. М. Теряевым, эти записки были включены в четыре номера академического журнала «Новые ежемесячные сочинения» ⁶⁰.

31 августа 1795 г. академическая Конференция избирает Шангина своим корреспондентом ⁶¹. Личность Петра Шангина не могла не влиять на формирование интересов его близких: ему удалось пробудить интерес к ботанике у

⁵⁷ Там же. С. 39.

⁵⁸ Сьтин А. К. П. С. Паллас, П. И. Шангин и Екатерина Великая // ВИАТ. 1997. № 2. С. 123–133.

⁵⁹ Schangin, P. J. Beschreibung einer merkwürdigen mineralogisch-botanischen Reise im höchsten Altaischen Gebürge // *Neue Nordische Beyträge*. St.P.; Leipzig, 1793. Bd. 6. S. 28–112.

⁶⁰ Шангин П. И. Дневные записки обер-гиттенфервальтера Петра Шангина, деланные им при описании рек Ини, Черыша, Коксуна, Катуня, Хапра, Кумина, Буктармы со всеми впадающими в них речками // Новые ежемесячные сочинения. 1796. Ч. 118. С. 3–16; Ч. 119. С. 24–40; Ч. 120. С. 68–84; Ч. 121. С. 17–42.

⁶¹ Протоколы заседаний Конференции... Т. 4. С. 444.

младших братьев Семена и Никиты и старшего сына Ивана, младшему сыну Александру, впоследствии автору книги «Описание Колывано-Воскресенских рудников» (М., 1808) ⁶², он привил интерес к горным наукам.

Азартным собирателем предметов натуральной истории был Иоганн (Иван Васильевич) фон Бебер (1746–1820) ⁶³. Он родился в Веймаре, приехав в Петербург, учительствовав, а с 1783 г. – инспектор классов и преподаватель географии и естественной истории во Втором кадетском корпусе. Его внимание как коллекционера привлекали редкие виды растений сначала в окрестностях Петербурга, а затем в окрестностях Екатеринославля, куда его направили летом 1792 г. для организации народных училищ. Но главным увлечением Бебера были насекомые. Находясь в Крыму, он много путешествует, наблюдает, собирает растения и насекомых, описывает новые виды. Его высоко ценили в ученом мире: печатали в «Трудах» Вольного экономического общества, в журнале Палласа «*Neue Nordische Beyträge*»; в его честь европейские энтомологи называли более десяти видов насекомых. Сам же он назвал собственным именем открытый им новый вид шелкопряда. 22 февраля 1796 г. Бебер был принят в число корреспондентов Академии ⁶⁴. После его смерти осталась значительная коллекция, подобранная с величайшей тщательностью, которая «приводит в удивление и заслуживает внимание всякого ученого общества». По приблизительным подсчетам, коллекция содержала около 1650 видов из отряда чешуекрылых (около 950 из них составляли бабочки) и 650 видов жуков ⁶⁵. Академия наук была заинтересована в приобретении этой коллекции, но переговоры шли тяжело и долго. Лишь летом 1823 г. часть коллекции была куплена для Санкт-Петербургского университета.

Примечательно, что некоторые любители наук, отмеченные в свое время званием академического корреспондента, при поддержке Академии вырастали в профессиональных ученых и становились действительными членами Академии наук. Яркий пример этого являют жизнь и творчество Т. Е. Ловица.

Товий Егорович (Тобиас Иоганн) Ловиц (1757–1804) родился в Геттингене ⁶⁶. Его отец Георг Мориц Ловиц (1722–1774) был приглашен на службу в Петербургскую академию наук и в 1768 г. был утвержден академиком по астрономии. Вместе с ним в Россию приехал его одиннадцатилетний сын Тобиас. В Петербурге Ловицы прожили только один год, так как Георг Ловиц принял участие в большой астрономической экспедиции по наблюдению за прохождением Венеры через диск Солнца и руководил одним из отрядов, проводившим исследования на юго-востоке Европейской России. В экспедицию, которая была рассчитана на несколько лет, он взял с собой и сына. Наблюдения, проведенные Ловицем-старшим в 1769–1773 гг., дали ценные результаты и были опубликованы в академическом журнале «*Novi Commentarii*».

Как известно, в 1773 г. началось крестьянское восстание под предводительством Емельяна Пугачева. Экспедиция оказалась на территории, захваченной повстанцами. Ловиц-старший был мучительно казнен. Сын остался в живых

⁶² Буриштейн. Шангины – исследователи Южной Сибири и Казахских степей... С. 81.

⁶³ Сытин А. К. Иоганн фон Бебер – натуралист и коллекционер // Немцы в России: три века научного сотрудничества. СПб., 2003. С. 91–108.

⁶⁴ Протоколы заседаний Конференции... Т. 4. С. 480.

⁶⁵ Сытин. Иоганн фон Бебер... С. 100.

⁶⁶ Фигуровский Н. А., Ушакова Н. Н. Товий Егорович Ловиц. М., 1988.

случайно, но потрясение, пережитое шестнадцатилетним Тобиасом, было столь сильным, что у него началась эпилепсия; припадки этой болезни мучили его более десяти лет.

После возвращения в Петербург, в 1775 г. Тобиас был определен в академическую Гимназию, но в феврале 1777 г. уходит из нее, стремясь к самостоятельной жизни, и поступает на службу в качестве аптекарского ученика в Главную петербургскую аптеку. Через два года его назначают гезелем (помощником аптекаря). Осенью 1780 г. он уезжает в Геттинген к дяде – единственному оставшемуся родственнику. Петербургская академия наук, стараясь как-то опекать Ловица, официально командировает его в Геттинген «для приобретения знаний». Кроме того, И. А. Эйлер дает ему личную рекомендацию к известному в Геттингене математику и физику А. Г. Кестнеру ⁶⁷. По приезде в Геттинген Ловиц начал занятия медициной в университете, но вскоре из-за дороговизны обучения вынужден был от них отказаться, кроме того, он понял, что равнодушен к медицине; его все более тянуло к химическим экспериментам, начатым еще в Петербурге. При поддержке Эйлера ему удалось в мае 1784 г. возвратиться в Петербург и вновь поступить на службу в Главную аптеку. В то время Главная петербургская аптека представляла собой лучшее в столице фармацевтическое заведение, располагала библиотекой и хорошо оборудованной химической лабораторией. Именно здесь Ловиц проводил свои химические исследования. «Я посвятил себя полностью химии, – писал он впоследствии, – и использовал для ее изучения все время, которое удавалось сберечь от своих служебных дел» ⁶⁸.

В 1785 г. Ловиц сделал свое первое крупное открытие. Пытаясь приготовить кристаллическую винную кислоту в чистом виде, он применил для ее очистки уголь. Открытие явления адсорбции углем из растворов было одним из выдающихся достижений химии того времени. Ловиц применил открытый им метод для очистки ряда других веществ: меда, уксусной кислоты, хлебной водки и т. д. С практической стороны большой интерес представляли исследования Ловица по очистке с помощью угля испорченной питьевой воды ⁶⁹.

5 апреля 1787 г. на заседании академической Конференции рассматривался первый мемуар (сочинение. – Г. С.), который представил Ловиц. Ученые были восхищены и решили рекомендовать аптекаря Ловица «благорасположению» княгини Дашковой как бывшего воспитанника Академии и трудолюбивого химика, от него можно ожидать еще много интересных открытий ⁷⁰. 4 октября того же года по предложению Е. Р. Дашковой Ловиц единогласно был избран корреспондентом Академии ⁷¹. Хотя Ловиц и не числился на службе в Академии, Дашкова назначила ему в порядке поощрения научной деятельности сверхштатную пенсию – 100 руб. в год.

Постепенно Ловиц становится известным ученым, его работы обсуждаются в научных кругах, печатаются в академических изданиях (опубликовано бо-

⁶⁷ Кестнер Абрахам Готгельф (1719–1800), профессор Геттингенского университета. По предложению Е. Р. Дашковой 23 октября 1786 г. избран иностранным почетным членом Петербургской академии наук.

⁶⁸ *Фигуровский, Ушакова*. Товий Егорович Ловиц... С. 54.

⁶⁹ Там же. С. 59–76.

⁷⁰ Протоколы заседаний Конференции... Т. 4. С. 77.

⁷¹ Там же. С. 100.

лее 180 работ), используются на практике ⁷². 17 мая 1790 г. «госпожа директор», чтобы вознаградить трудолюбие Ловица и поощрить его к дальнейшим исследованиям по химии, увеличила его годовой пенсион, определив ему академическую пенсию в 200 руб ⁷³. 7 октября того же года княгиня сочла нужным назначить Ловица адъюнктом по химии. Члены академической Конференции встретили известие об этом назначении аплодисментами ⁷⁴. 13 мая 1793 г. Дашкова назначила Ловица ординарным академиком по химии ⁷⁵. Это – уникальный случай в истории Академии наук, когда звания академика был удостоен ученый, не работавший в стенах Академии. И лишь в 1794 г., когда началось строительство новой химической лаборатории, Академия решила пригласить на заведование еще не существовавшей лабораторией Ловица с условием полного перехода на службу в Академию. Ловиц согласился, но переход состоялся лишь 14 апреля 1797 г. В эти годы Ловиц провел цикл работ по искусственно охлаждающим смесям, получил ледяную уксусную кислоту, разработал метод определения концентрации кислот и способы получения чистого эфира, исследовал русские хромовые руды (открыл в их составе хром), принял участие в подготовке программы полета на воздушном шаре и многое, многое другое, что заслуженно ставит его имя в ряд классиков отечественной химии.

После отставки княгини Е. Р. Дашковой с поста директора Академии наук избрание любителей наук в число академических корреспондентов продолжалось. В 1798 г. корреспондентом стал врач академической гимназии, знаток древних языков и литературы Ф. Я. Свенске (1760–1834) ⁷⁶. В следующем году в поощрение за перевод труда французского математика Э. Безу (Принципы дифференциального и интегрального исчисления. СПб., 1799) преподаватель математики и механики В. И. Висковатов (1779–1812) был причислен к классу корреспондентов. Не ограничиваясь переводами, он написал ряд самостоятельных работ по математике и механике и в 1803 г. был избран адъюнктом, в 1807 г. – академиком Петербургской академии наук ⁷⁷.

В 1800 г. корреспондентами избраны академический переводчик С. С. Котельников (?–1812) – сын академика С. К. Котельникова и специалист по горному делу, начальник серебряных рудников в Нерчинске И. И. Черницын (?–1809) ⁷⁸. В 1801 г. класс академических корреспондентов пополнился еще тремя членами. Ими стали профессор римского права Московского университета Ф. Г. Баузе (1752–1812), юрист из Казани, проводивший в течение тридцати лет ежедневные метеорологические наблюдения, А. И. Лохтин (1762–1823) ⁷⁹ и естествоиспытатель, энтомолог, специалист в области механики из Твери Л. С. Ваксель (1776–1816), подаривший Академии наук коллекцию из 110 яиц различных птиц, в стеклянных ящиках, с каталогом по

⁷² Ловиц Т. Е. Избранные труды по химии и химической технологии / Ред., статья и прим. Н. А. Фигуровского. М., 1955.

⁷³ Протоколы заседаний Конференции... Т. 4. С. 228.

⁷⁴ Там же. С. 239.

⁷⁵ Там же. С. 341.

⁷⁶ Летопись РАН... Т. 1. С. 871, 879.

⁷⁷ Ожигова Е. П. Математика в Петербургской Академии наук в конце XVIII – первой половине XIX века. Л., 1980. С. 34–38.

⁷⁸ Летопись РАН... Т. 1. С. 887, 892, 893, 895, 898.

⁷⁹ Метеорологические наблюдения А. И. Лохтина см.: СПФА РАН. Р. 1. Оп. 115. Д. 4, 13.

системе К. Линнея, собранную им во время путешествия из Тавриды в Петербург⁸⁰.

За труды в области электрических явлений звания корреспондента в 1802 г. был удостоен профессор физики и математики Петербургской медико-хирургической академии В. В. Петров (1761–1834)⁸¹. В 1807 г. Петрова пригласили в Академию наук на должность заведующего Физическим кабинетом, где и получил звание адъюнкта по кафедре физики. Здесь он продолжил свои электрохимические исследования и опыты по изучению тепловых и световых действий электрического тока, приведшие ученого к открытию явления электрической дуги. В 1809 г. он избран академиком.

До принятия нового Устава Академии наук в 1803 г. корреспондентами были избраны еще два человека: мореплаватель, путешественник и географ И. Ф. Крузенштерн (1770–1846)⁸² и археолог и историк, библиотекарь и смотритель Кабинета антиков и медалей Эрмитажа Е. Е. Келер (1765–1838)⁸³.

Жившие в провинции врачи, аптекари, специалисты по горному делу, преподаватели учебных заведений, купцы, писатели в свободное от основных служебных обязанностей время проводили астрономические и метеорологические наблюдения, изучали растительный и животный мир своих регионов, собирали коллекции минералов, писали статьи и даже монографии по географии, истории, этнографии и статистики. Они стремились наладить связи, как правило через корреспонденцию, с единственным в России научным центром – Академией наук, встретить понимание, получить поддержку и признание.

Академия наук, со своей стороны, также стремилась к установлению таких полезных связей с провинциальными любителями наук. Присылаемые ими исследования благосклонно и одобрительно принимались и представлялись на обсуждение академической Конференции; материалы, одобренные ею, печатались в академических изданиях. Академия старалась поддерживать своих

Академик Т. И. Ловиц.
Силуэт работы И. Ф. Антинга, 1799 г.

⁸⁰ Каталог, составленный Л. С. Вакселем, см.: СПФА РАН. Р. 1. Оп. 113. Д. 9.

⁸¹ Шнейберг Я. А. В. В. Петров. М., 1985.

⁸² Доннерт Э. А. И. Крузенштерн и первое русское кругосветное плавание в 1803–1806 гг. // Немцы в России: русско-немецкие научные и культурные связи. СПб., 2000. С. 319–333.

⁸³ Уткина Л. М. Академик Е. Е. Келер и Эрмитаж // Немцы в России: петербургские немцы. СПб., 1999. С. 99–118.

добровольных корреспондентов. Многие академики состояли в переписке с провинциальными учеными, поддерживали их интерес к наукам, влияли на формирование их научных пристрастий, руководили их изысканиями, подвергали их сочинения доброжелательной критике, хлопотали перед академическим начальством о награждении их научных трудов, посылали им книги, журналы и инструменты, отсутствующие в провинции и столь необходимые для проводимых ими исследований, и лично охотно встречались.

За время с 1759 г. по 1803 г. в Академию наук было избрано 30 корреспондентов, любителей наук. Это были непрофессиональные ученые, жившие главным образом в провинциальных городах России: Архангельске, Барнауле, Вологде, Екатеринбурге, Казани, Перми, Саратове, Твери и других городах. Примерно 70 % из них занимались естественными науками, 30 % – гуманитарными. Звание корреспондента Академии наук не давало никаких материальных преимуществ, оно было почетным и являлось признанием только научных заслуг того лица, которому оно присваивалось. Пятеро из числа корреспондентов достигли столь значительных успехов, что впоследствии занимались только научной деятельностью и стали действительными членами Петербургской академии наук. Среди них химик Т. Е. Ловиц (1757–1804), математик В. И. Висковатов (1779–1812), физик В. В. Петров (1761–1834), экономист А. К. Шторх (1766–1835), историк и археолог Е. Е. Келер (1765–1838).

Любопытно заметить, что люди, избранные академическими корреспондентами, добросовестно исполняли свои прямые служебные обязанности и были даже отмечены государственными наградами. Орденом св. Владимира четвертой степени были награждены М. И. Веревкин, К. И. Габлиц, А. В. Раздеришин и И. М. Ренованц.

Таким образом, поддержка и внимание со стороны Академии любителям наук в самых различных городах России способствовали реализации их научных интересов, существенно обогащали науку ценными материалами и открытиями, воспитывали интерес к получению новых знаний, расширяли контакты Академии ⁸⁴.

Появление в Петербургской академии наук в 1759 г. института корреспондентов было закономерным. С основания Академии прошло более 30 лет. Выполняя важнейшую культурно-просветительскую миссию, Академия наук так организовала свою деятельность, что постепенно входила в общественное сознание россиян, расширяла свои связи со страной, укрепляла авторитет науки и воспитывала интерес к ней, содействовала развитию практической научной деятельности в России, и своеобразным ответом на эту деятельность становилось увеличение числа пытливых и любознательных людей, интересующихся наукой.

Деятельность этих 30 академических корреспондентов приобрела такой авторитет, что институт корреспондентов был узаконен и уже как обязательный вошел в «Регламент Академии наук» 1803 г. В § 82 можно прочесть:

Есть ли Академия заблагорассудит приобщить к себе ученого российского или чужестранца, который не столько еще известен, чтобы мог требовать чести быть почетным членом, но своими полезными сочинениями или познани-

⁸⁴ Илизаров С. С. Санкт-Петербургская Академия наук на пространстве Российской империи // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова: Годичная научная конференция. 2002. С. 43–49.

ями, или же ревностию и старанием, оказав полезные Академии услуги, обратил на себя отличное ее [т. е. Академии] внимание, то она принимает его в класс своих корреспондентов ⁸⁵.

Устав 1836 г. сохранил эти требования, предъявляемые к академическим корреспондентам ⁸⁶. Устав Академии наук 1927 г. ввел привычное для нас определение «член-корреспондент» и зафиксировал, что «членами-корреспондентами могут быть избраны выдающиеся ученые по различным отраслям знания, входящим в круг ведения АН СССР» ⁸⁷.

⁸⁵ Уставы Академии наук СССР. 1724–1974. М., 1974. С. 78.

⁸⁶ Там же. С. 108.

⁸⁷ Там же. С. 123.